

СТАТЬИ / ARTICLES

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ: АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, СОЦИО- ЛИНГВИСТИКА И ТЕОРИЯ ТЕРМИНОВ

И. Б. Ардашкин

Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, Томск, Россия, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия
ibardashkin@mail.ru

В. А. Суровцев

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия
surovtsev1964@mail.ru

Анализируется проблема визуализации социально значимых языковых выражений в различных традициях философского и социально-гуманитарного знания (аналитическая философия, социалингвистика, терминология). Цель исследования заключается в изучении разных способов визуализации социального значения языковых выражений в рамках названных направлений и выявлении их особенностей, обусловленных разной трактовкой языковых выражений и функционалом. Под проблемой визуализации социально значимых языковых выражений авторы понимают то, как социальные факторы влияют на семантику языка в зависимости от способов и функций его применения.

Методология исследования строится на основе работ представителей аналитической философии (Л. Витгенштейн, С. Крипке, Г. Бейкер, П. Хакер и др.), социалингвистики (У. Лабов, Д. Хаймс, П. Эккерт и др.), терминологии (О. Вюстер, Р. Теммерман и др.) и их компаративистском анализе.

Сравнение подходов продемонстрировало, что аналитическая философия, социалингвистика и терминология по-разному понимают концепт языкового выражения. Для аналитической философии язык представляет собой формальную семиотическую систему (в первую очередь письменность), суть которой – установить значение лингвистических знаков (сформировать модель по установлению значения). Для социалингвистов это прежде всего устная коммуникация во всем многообразии социальных практик её реализации. Для терминологов – система таких лингвистических элементов, как термины, которые предназначены для облегчения коммуникации как между специалистами, так и между потребителями научно-технологической и другой продукции.

В силу вышесказанного можно констатировать, что в рамках аналитической философии социальные факторы, влияющие на значение языкового выражения, учитываются в рамках данного процесса (проблема следования правилу Л. Витгенштейна, скептическая трактовка следования правилам С. Крипке и т.д.), но в вопросе визуализации значения доминирует когнитивный приоритет, проявляемый в поисках устойчивых механизмов установления семантики лингвистических систем.

В рамках социолингвистики проблема визуализации социального значения языка является одной из приоритетных, поскольку последний рассматривается как непосредственная коммуникация, его семантические аспекты и социальное происхождение проявляются непосредственно в момент коммуникации. Получается, что главным фактором, влияющим на социальное значение языка, становятся способы коммуникации, их динамика, гибкость и разнообразие. В вопросе визуализации социального значения доминирует коммуникативный аспект, а не когнитивный (то есть то, как, а не что передаётся языком).

Наконец, в сфере терминологии социальное значение языкового выражения визуализируется в контексте реализации лингвистическими элементами когнитивно-коммуникативной функции. Это значит, что основной целью коммуникативного использования терминологии выступает её когнитивное содержание. Ярким примером такой функции является краудсорсинг в терминологической деятельности, когда коммуникативный формат открытого доступа к формированию, хранению и применению терминологии влияет на качество её когнитивного наполнения.

Таким образом, можно сделать вывод, что разработка универсальной модели установления социально значимых языковых выражений и способов их визуализации маловероятна, ввиду разнообразия отражения социальной реальности посредством языка.

Ключевые слова: социальное значение, аналитическая философия, проблема следования правилу, социолингвистика, терминология, когнитивно-коммуникативная функция

VISUALISING AND SOCIAL MEANING IN LANGUAGES: ANALYTIC PHILOSOPHY, SOCIOLINGUISTICS, AND THE THEORY OF TERMINOLOGY

Igor B. Ardashkin

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
ibardashkin@mail.ru

Valery A. Surovtsev

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
surovtsev1964@mail.ru

The article examines the problem of visualising the social significance of linguistic expression in various traditions of philosophical and socio-humanitarian knowledge that have developed from the beginning of the 20th century to the present day. By the problem of visualising the social significance of linguistic expression, the authors mean how representatives of different approaches (using the example of analytic philosophy, sociolinguistics, and terminology) consider the influence of social factors on language. These areas are used not by chance, due to the differences that arise in the process of studying the problem of social significance by their representatives. It should be noted that these traditions are formed simultaneously and influence each other. In the field of analytic philosophy, the visualisation of the problem of the social significance of linguistic expression is considered by its representatives (e.g., G. Frege, L. Wittgenstein, S. Kripke, G. Baker, P. Hacker) as a particular aspect of the problem of the meaning of linguistic expression. More precisely, within this field, the focus is more on the influence of social factors on the process of signifying and interpreting linguistic expression. It is noted that the actualisation of social factors within the problem of the meaning of linguistic expression is connected with Wittgenstein's approach to this problem through the aspect of determining linguistic meaning in the process of its use (communication), from which the problem of following the rule emerges. The discussion that arose in analytic philosophy regarding this interpretation demonstrated that the diversity of social circumstances does not allow for the use of universal and stable tools for signifying and interpreting linguistic expression. Nevertheless, representatives of analytic philosophy are more interested in the cognitive aspect of the problem of linguistic meaning, which is greatly influenced by the communicative factor, manifested in the uncertainty of the rules that participants in interaction may adhere to. In the field of sociolinguistics, the problem of visualising the social meaning of linguistic expression is posed and studied as a separate important problem (e.g., W. Labov, D. Hymes, P. Eckert). Nevertheless, the need to understand it in relation to the problem of general meaning is emphasised. The authors note that the specificity of visualising the problem of social meaning is conditioned by the study of direct communication and human participation in it in the fullness of their social circumstances. Hence,

the emphasis is on language not as a formed semiotic system with established rules (writing) following the example of analytic philosophy, but on oral (verbal) communication. This shift leads to the actualisation of the communicative function of language and to the understanding that the problem of social significance is linked to the individual and social characteristics of the speaker, which is why the latter is variable, spontaneous and difficult to control. In such a visualisation, the possibility of identifying the cognitive function of language and determining the stability of manifestations of a person's social status and their presentation in the communicator's speech virtually disappears. In the field of terminology, the problem of social significance is considered through the simultaneous coupling of the cognitive and communicative functions of language. But the peculiarity of this field is that the main essence of the communicative function of terminology is to translate the cognitive content of knowledge represented by the latter (cognitive-communicative function). As the experience of terminology theories (e.g., O. Wüster, M. Cabré, R. Temmerman) shows, such a combination is difficult to implement, since when demonstrating the cognitive function, the communicative component is lost, and when actualising the communicative function, the uncertainty of the cognitive side of the meaning of terminology increases. Thus, the problem of visualising social meaning depends on the methods used to achieve it and is conditioned by the great variability of the social conditions in which linguistic expressions are used, which complicates the search for a universal approach to it.

Keywords: social significance, analytic philosophy, rule-following problem, sociolinguistics, terminology, cognitive-communicative function

DOI 10.23951/2312-7899-2025-4-9-43

Введение

Вопросы, касающиеся языкового значения, – это частный случай философской проблемы взаимоотношения языка и реальности. С древности, однако, они получили не только философский смысл. Они приобрели, кроме того, лингвистическое, логическое, семантическое, социолингвистическое и разное другое понимание. При этом проблемы значения, связанные с языком как с некоторой абстракцией, в последнее время приобретают явно выраженный социальный акцент. Это связано не только с тем, что язык, собственно, и конституирует всякое социальное взаимодействие, – оно обусловлено динамическим характером самого языка, сфера которого, если касаться семантики, определяет широчайший спектр предметных областей, затрагивающих вопросы визуализации значения языкового выражения и его социального наполнения.

Обратим внимание на то, что сама проблема значения языковых выражений стала характеризоваться неоднозначностью подходов, и социальная обусловленность такого значения здесь немаловажна. Проблемы, связанные с социальной обусловленностью, теперь не просто играют ведущую роль, они превалируют! И главное даже не в этом. Социальная обусловленность выходит на арену. И язык повседневного общения уже занимает лидирующие позиции в отличие от языка, понимаемого как некоторая формальная система, обусловленная алфавитом, грамматикой, правилами построения и т.п.

Обращение к теориям аналитической философии, рассматривающим проблему значения языкового выражения, важно для того, чтобы обозначить истоки семантической проблематики и уточнить, в чем специфика подхода представителей данного направления, как формируется социальный аспект в лингвистической семантике и чем это обусловлено (на примере аналитической философии Г. Фреге, Л. Витгенштейна, С. Крипке и др.).

Социолингвистический аспект (Д. Хаймс, У. Лабов, П. Эккерт и др.) рассматриваемой тематики существенно отличается от предыдущего подхода и интересен тем, что представляет собой междисциплинарный способ осмысления взаимодействия социума и языка, где именно социальные факторы выделяются в качестве отдельных самостоятельных семиотических средств.

Терминологический ракурс (терминологические теории О. Вюстера, М. Кабре, Р. Тиммермана, П. Фабера и др.) отличается тем, что совмещает (или стремится совместить) специфику обозначенных выше подходов; здесь терминология выступает феноменом, в котором философские, лингвистические и социальные составляющие аспектов значения (семантики) сочетаются воедино, но при этом далеко не всегда когнитивные, логические, лингвистические факторы играют определяющую роль в вопросах означивания профессиональных и повседневных языковых выражений по отношению к социальным факторам (как это чаще всего имеет место в соответствующих теориях аналитической философии).

Интерес к такому способу изучения социального значения языкового выражения обусловлен также тем, что каждый из представленных подходов, во-первых, не представляет определённой концептуальной монолитности по рассматриваемому вопросу, во-вторых, иначе понимает феномен языка и реальности (чьим частным проявлением является проблема значения в языке). В связи с этим предпринятая попытка соотношения указанных подходов в рамках рассматриваемых предметных областей является определённым

новшеством, фактически не исследованным в должной мере в литературе.

Можно констатировать, что актуализация социального значения в языке постоянно растёт, но исследования больше свидетельствуют о том, что чем глубже изучается данная тема, тем сложнее понять роль социальных факторов при кажущейся очевидности их роли. Таким образом, цель данной статьи – осмысление того, как сегодня интерпретируется социальное значение, как оно формируется и какие проблемы с его изучением возникают у исследователей. Сложность и неоднозначность способов формирования и применения социального значения не должны препятствовать необходимости исследования данного вопроса, скорее, наоборот, они только мотивируют исследователей к изучению данной темы.

Важно также подчеркнуть, что для социального значения аспект его визуализации играет существенную роль, поскольку от качества этой визуализации зависит взаимодействие людей, групп, сообществ, культур. Визуализация значения в принципе важна в качестве способа самопознания человека, его понимания себя и мира, но для социального значения этот способ мировосприятия ещё существенней, поскольку он касается не просто одного человека, а целых групп, сообществ, для которых без установления значения применяемых языковых выражений может быть непонятным многое. Соответственно, повышается степень неопределённости социальной деятельности, поскольку осуществляется неполноценная коммуникация.

Для достижения поставленной цели в статье рассматриваются генезис проблемы значения и социального значения языковых выражений, подходы к ее решению в сферах аналитической философии, социолингвистики и теории терминологии. Поскольку число подходов и авторов, их представляющих, в указанных предметных областях достаточно велико, а формат статьи не позволяет охватить всех их полностью, то ограничимся анализом некоторых из тех позиций, подходы которых, как представляется, выражают основные тенденции при ответах на поставленные вопросы.

Социальное значение и его визуализация: к постановке проблемы

Как уже указывалось выше, проблема значения языкового выражения (лингвистической семантики) является частным проявлением проблемы взаимоотношения языка и реальности. От того, как

понимается реальность, зависит характер средств её выражения. И наоборот, в зависимости от используемых средств для конструирования представлений о реальности формируются определённые черты её образа.

В этом плане важнейшие изменения в вопросах лингвистической семантики произошли в конце XIX в. и первой половине XX в., когда относительно одновременно логическая семантика (Г. Фреге), семиотика (Ч. Пирс), лингвистика (Ф. Соссюр), аналитическая философия (Б. Рассел, Л. Витгенштейн) стали уделять особое внимание этой проблеме как одной из ключевых для науки и философии.

Изначально проблема значения языкового выражения больше рассматривалась как универсальная, поскольку реальность воспринималась как нечто устойчивое и стабильное. Это хорошо прослеживается на примере платонизированной семантики Г. Фреге, задача которой заключалась в обосновании объективности значения языкового выражения [Суровцев 2022, 136]. Введение дополнительной семантической единицы «смысл» (Sinn) предполагало, что значение можно по-разному выразить в отношениях между знаками и объектами. Последнее допускало определённую вариативность в способах обозначения интересующего предмета.

Аналогичный пример можно привести в отношении лингвистики и семиотики Ф. Соссюра, сформировавшего концепцию языка как социального факта, имеющего общественный, коллективный, внешний характер по отношению к его любому пользователю, который последний не в силах изменить [Saussure 1995, 23]. «Важнейшую роль в том, чтобы связать языковое с социальным, сыграл Фердинанд де Соссюр, предложивший концепцию языка как “социального факта” и “социального института” – как того, что существует в полной мере только как “сокровище”, принадлежащее обществу. Ему же принадлежит и идея семиологии – общей науки, изучающей “жизнь знаков в рамках жизни общества”» [Фомин, Ильин 2019, 125].

Это не единственные примеры актуализации социальных (или потенциально социальных) аспектов в отношении проблемы значения языковых выражений. Здесь необязательно приводить максимально возможное количество примеров такого рода результатов исследований, важно подчеркнуть, что язык (языковые выражения) в качестве предмета изучения логиков, философов, лингвистов рассматривался в качестве знаковой системы, где семиотические инструменты выступали в качестве ключевых механизмов его анализа (у Г. Фреге: знак–смысл–значение; у Ф. Соссюра: означающее–означаемое).

Очевидным становится понимание того, что язык является не только средством описания действительности, но и способом формирования представлений о ней, а также средством коммуникации между использующими семиотические системы. Следовательно, язык (языки) выражает собой одно из важных средств управления представлениями людей о себе и мире. Условно говоря, с помощью языковых средств мы способны понять не только то, как человек познает этот мир, руководствуясь критериями истинности знания о нем, но и то, как он способен транслировать это знание другим людям, а последние – его воспринимать.

Подобный поворот приводит к усилению социального акцента в исследованиях языка и, соответственно, осознанию важности анализа значений языковых выражений относительно социального контекста их применения (социального значения). Подобная трансформация ведёт к появлению новых наук, связанных с актуализацией социального контекста функционирования языка, – социолингвистики, социосемиотики, социосемантики, прагмосемантики и т.д. В свою очередь, это приводит к появлению проблемы социального значения языкового выражения и поиску подходов и средств её решения.

Особенности новых наук и проблемы социального значения обусловлены тем, что для них язык (языки) выступает не просто в качестве формальной семиотической системы (как это принято в логике и лингвистике), но и в качестве «живой» семиотической системы, где исследуются не только письменно зафиксированные лингвистические единицы, а также речевые акты участников коммуникации с учётом их индивидуальных, социальных и культурных особенностей. В связи с этим проблема социального значения обретает широкое предметное пространство, в котором имеется большое число факторов, учёт и определение которых существенно затруднено. Как было уточнено, «теория социального значения необыкновенно обширна и, будучи предметом заботы многих наук, включает в себя анализ механизмов означивания и смысловой интерпретации различных культур, сообществ, личных историй, социальных институтов и отношений. Культурные ценности и нормы, власть и статус, стереотипы и конфликты – все это принадлежит сфере социальных значений» [Найман 2021, 87].

В связи с необъятностью проблемы социального значения сконцентрируемся только на трёх выбранных предметных областях (аналитическая философия, социолингвистика, терминология), чтобы выявить разные аспекты его визуализации и продемонстри-

ровать различия этих подходов. Но прежде чем обратиться к указанным подходам, заметим, что проблема социального значения важна для них в трёх ракурсах: когнитивном (как устанавливается значение языкового выражения и насколько оно стабильно – истинно), коммуникативном (как значение транслируется в процессе общения и что на это влияет) и когнитивно-коммуникативном (как сочетаются стабильность значения языкового выражения и коммуникативный процесс в рамках социального контекста его осуществления).

Аналитическая философия и проблема социального значения

Говорить о проблеме социального значения в отношении аналитической философии не совсем корректно, поскольку в таком ракурсе, что было отмечено нами в предыдущем разделе в процессе рассуждения о социальном значении, вопрос представителями аналитической философии не ставился. Но все же определённый имплицитный социальный подтекст в исследованиях различных аналитических философов имеется.

Для аналитических философов язык интересен прежде всего как сформированная формальная семиотическая система, где в первую очередь актуализируется вопрос о точности (подлинности) и стабильности описания этой системой существующей реальности с помощью соответствующих инструментов, имеющих преимущественно логический характер. Подходы Г. Фреге (семантический платонизм), Б. Рассела (логический атонизм), раннего Л. Витгенштейна (семантический референциализм) очень хорошо демонстрируют этот тезис. При определённых семантических отличиях эти подходы говорят о том, что ключевым моментом в языковом выражении является соответствие последнего определённым фактам реального мира, которые обладают стабильностью, надёжностью и законченностью.

Другое дело, когда появляется подход позднего Л. Витгенштейна в отношении проблемы значения языкового выражения: значение как употребление. Если коротко обозначить причины пересмотра Л. Витгенштейном своих первоначальных взглядов на вопрос о природе языка и значения, то он во многом связан с тем, что значение слова (языкового выражения) определяется не идеальным языком, а способами его применения. Интерес к языку как чему-то «живому», динамичному, неидеальному обусловлен сменой представлений о реальности (тем более социальной реальности), в которой

сложно обозначить что-то предустановленное, обнаружить какую-то сущность. Все это сильно отличается от понимания значения как платоновской идеи или ментальной сущности. Неслучайно в истории аналитической философии середины XX в. мы наблюдаем интерес к естественному языку как среде (теории речевых актов П. Грайса [Grice 1975], Д. Остина [Остин 1999]; остенсивная неопределённость языка У. Куайна [Куайн 2000] и т.д.), где непосредственно используется последний, а также к вопросам, связанным с целями и условиями его применения. В каком-то смысле в аналитической философии реализуется различие, которое в «Курсе общей лингвистики» проводил Ф. Соссюр, между «языком» как идеальной закрытой системой и «речью» – открытой, динамичной системой.

Собственно, интерес к позднему Л. Витгенштейну вызван тем, что именно с этого момента возникает определённый социальный аспект в вопросе значения языкового выражения в рамках аналитической философии, который породил серьёзную дискуссию в аналитической философии в отношении того, является ли данный аспект определяющим для проблемы значения языкового выражения или нет. Как уже было сказано, Л. Витгенштейн обращает свой исследовательский интерес к естественному языку и в своей работе «Философские исследования» демонстрирует, что при таком его рассмотрении значение определяется в зависимости от того, как этот язык употребляется (значение как употребление). Поскольку использование языка носит для человека свободный характер, то данный процесс он характеризует как «языковые игры», которые представляют собой один из типов деятельности человека. Как уточняет сам Л. Витгенштейн, «...сколько существует типов предложения? Скажем, утверждение, вопрос и приказ? – Нет, их бесчисленное множество: налицо бесконечное разнообразие способов употребления того, что мы называем “символами”, “словами”, “предложениями”. И эта множественность не является чем-то устойчивым, заданным раз и навсегда; новые типы языка, новые языковые игры, как мы можем сказать, возникают постоянно, а другие устаревают и забываются... Здесь термин “языковая игра” призван выразить то обстоятельство, что говорить на языке означает действовать, то есть форму жизни» [Витгенштейн 2019, 32].

Ключевым в процессе языковых игр и механизме означивания становится аспект правила применения языка (то, что Л. Витгенштейн называет «следованием правилу»). Иными словами, значение языкового выражения становится понятным участникам коммуникации, если они используют одно и то же правило. И, наобо-

рот, они перестают понимать друг друга, если используют разные правила при употреблении языка. Но вот что такое правило и как ему следовать, Л. Витгенштейн в полной мере не уточняет. Он говорит о том, что здесь человек находится в ситуации неопределённости, потому что не знает способов установления того, следует ли он правилу или же нет: «Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь “приватно”; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же. Язык – это лабиринт путей. Ты подходишь с одной стороны и знаешь, где выход; подойдя же к тому самому месту с другой стороны, ты уже не знаешь выхода. Так, при определённых обстоятельствах можно изобрести игру, в которую никто никогда не играл. А возможно ли такое: изобрести игру, в которую никто никогда не играл, при том, что человечество никогда не играло ни в какие игры?» [Витгенштейн 2019, 143].

Иными словами, не определяя в «Философских исследованиях» понятия правила и понимания того, следуешь ли ты ему, Л. Витгенштейн создаёт интересную интеллектуальную проблемную ситуацию в отношении проблемы значения языкового выражения, где появляется социальный формат, но который далеко не всеми аналитическими философами так воспринимается.

Наибольший отзыв вызывает скептическая трактовка проблемы следования правилу С. Крипке, после чего возникает и продолжается до настоящего времени дискуссия о том, зависит ли следование правилу от социального контекста или нет. При этом собственно социальный контекст представителей аналитической философии не интересует. Как, допустим, самого С. Крипке не интересует социальный контекст коммуникации, хотя он допускает наличие сообщества, чьи практики использования языковых выражений подкрепляют способы их употребления (следование точке зрения сообщества). Такая точка зрения сильно отличается от поиска каких-то внешних оснований в мире (реальности) по типу «мира идей» Платона, поскольку свидетельствует о непостоянстве и изменчивости семантики естественного языка. Но у С. Крипке следование правилу как следование точке зрения сообщества определяется не сообществом, а индивидуально и ментально самим субъектом, что позволяет последнему считать, что в его языке и поведении присутствует некое правило [Крипке 2010, 62].

Следует заметить, что индивидуальная трактовка применения языка С. Крипке допускает наличие индивидуального языка, что, кстати, также привело к обострению дискуссии в аналитической

философии по данной проблеме в ракурсе возможности / невозможности последнего [Суровцев, Ладов 2008, 38].

Неслучайно такая «скептическая трактовка» вызывает среди ряда аналитических философов несогласие. В ней видится угроза возможности реализации когнитивной функции языка как способа установления стабильного и подлинного значения того или иного языкового выражения даже с учётом социального контекста. В частности, Г. Бейкер, П. Хакер категорически выступают против такой трактовки вопроса о следовании правилу. Они полагают, что следование правилу обусловлено самим сообществом в виде консенсуса, который не может иметь индивидуального происхождения. В основе следования правилу лежат сложившееся общественное согласие и практики его реализации [Бейкер, Хакер 2008, 83].

В то же время английские философы в чем-то близки позиции С. Крипке в том смысле, что общественное согласие и практики его реализации важны для вопроса установления значения языка, но это согласие как основание для следования правилу функционирует автономно, социальный контекст на него влияет опосредованно, через повторение употреблений языковых практик (субъективная регулярность).

Это говорит о том, что, признавая влияние сообщества как социального фактора на установление лингвистического значения, они полагают его (консенсуса) функционирование в качестве элемента, обладающего автономной и стабильной природой, не обусловленного социальным разнообразием (все субъекты повторяют языковые практики). Как уточняют трактовку Г. Бейкера, П. Хакера отечественные исследователи, «возможность стабилизации языкового значения не требует внешнего критерия в виде санкционированного сообществом правила употребления выражения. Действительно, 'правило живёт практикой его применения', но обязательно ли эта практика является социальной? Робинзон, потерявший всякую связь с другими людьми, не должен испытывать проблем с использованием своего индивидуального языка. Причина этого состоит в том, что следование правилу и, соответственно, фиксация значений употребляемых выражений вообще не зависят от коммуникативных стандартов сообщества. В основе стабильного следования правилу лежит не общественное согласие, а субъективная регулярность, повторяемость употребления выражений на практике и их связанность с определёнными действиями (при условии, что следующий правилу может объяснить и оправдать его применение, что свидетельствует о понимании, а не о простом механиче-

ском воспроизводстве), то есть всё то, что формирует и закрепляет привычку употребления. Действие, связанное с употреблением выражений, всегда индивидуально, даже если оно включено в совместную деятельность сообщества. Следование правилу есть деятельность, *Praxis*. Неверной интерпретацией было бы принять, что здесь '*Praxis*' обозначает социальную практику» [Суровцев, Ладов 2008, 71–72].

Если редуцировать данную дискуссию к более очевидным трактовкам, то суть спора между С. Крипке и Г. Бейкером, П. Хакером состоит в том, кто или что играет существенную роль в использовании языка и трансляции значения. В одном случае человек может индивидуально устанавливать значение, полагая, что он выражает точку зрения сообщества, им воображаемого; в другом случае человек этого делать не может, поскольку выступает «заложником» языковых практик, которым он вынужден следовать в процессе коммуникации.

Но ведь можно рассматривать ситуацию и иначе, полагая, что социальные практики и фактор социальности достаточно многообразны и разнородны, их нельзя свести к воле только лишь человека или сообщества. Поэтому природа социальности не столько проясняет вопрос следования правилу в процессе применения языка, сколько приводит к разнообразию. Ведь следовать правилу можно как угодно (и по своему усмотрению, и по практике сообщества, и по своему усмотрению и практике сообщества одновременно). Как уточняет один из соавторов статьи в одной из предыдущих работ, «положительный ответ приводит к тому, что социальная теория может основываться на разных интерпретациях решения проблемы следования правилу. Мы склоняемся к положительному ответу. Но положительный ответ отнюдь не означает, что основанием социальной теории должна выступать только одна избранная интерпретация. Дело в том, что социальные практики имеют очень разный характер, и вряд ли возможен единый подход с точки зрения единых методологических оснований единой социальной теории, который был бы применим ко всем ним» [Суровцев 2020, 53].

Похожие ситуации в интерпретации проблемы следования правилу можно увидеть в разных направлениях аналитической философии. Взять, например, аналитическую философию права, где также присутствуют позиции исследователей, разделившихся в отношении юридического языка на основании разных трактовок следования правилу по аналогии с оппозицией С. Крипке – Г. Бейкер, П. Хакер, которых исследователи трактуют по противостоянию

«реалисты–антиреалисты». «Реалисты» – те исследователи, которые полагают, что существует связь юридической интерпретации с языком юридической практики (например, Дж. Бойл, М. Ташнет). Поэтому если обыденный язык обладает неопределённостью, то это приводит и к неопределённости в области права. «Антиреалисты» отрицают такую связь. В частности, Г. Харт полагает, что в процессе следования правилу юристу часто приходится самому находить варианты интерпретации, то есть фактически это правило интерпретировать и применять [Hart 1994].

Иными словами, в сфере права также проявляется большое количество вариантов социальных практик, которые сложно подвести под какой-то единый знаменатель, найти общую интерпретацию права и правил его применения. Как уточняет А.Б. Дидикин, «поскольку правовые нормы содержатся в разных источниках права, их расположение может быть определяющим при толковании и интерпретации таких норм. Так, например, нормы международных договоров имеют юридическую силу лишь после прохождения процедур ратификации таких договоров национальным парламентом, а значит, подлежат предварительному судебному толкованию и интерпретации на предмет соответствия конституции. В то же время предписания судебных прецедентов интерпретируются только в процессе их применения» [Дидикин 2015, 87]. И здесь также наблюдается многообразие социальных ситуаций, не позволяющих сделать следование правилу единообразным либо как-то классифицировать последнее.

Несмотря на то, что социальные практики могут быть разными для понимания того, как надо следовать правилу применения языка, все же их социальный контекст содержательно мало чем интересует аналитических философов, стоящих на разных позициях. Как отмечает В. А. Суровцев, «эта проблема в большей степени касается вопросов эпистемологии, а не проблем социальной теории» [Суровцев 2020, 52]. Влияние социального контекста на рассматриваемую проблему признается, но чаще исследователей интересует в этом контексте поиск стабильности / нестабильности значения, его подлинности / не подлинности.

Таким образом, проблема значения языкового выражения как социального значения в аналитической философии не ставится, но при этом фактор социального влияния на определение лингвистического значения признается многими представителями данной предметной области в качестве когнитивного феномена. Иное дело, что признание подобного влияния обусловлено и реализуется не

столько путём анализа содержания социального контекста использования языка, сколько путём построения моделей такой связи социального контекста и языка, опуская контент данного социального контекста.

Проблема социального значения и его визуализации в социолингвистике

По-другому ставится вопрос в области социолингвистики, где проблема социального значения является центральной и активно исследуемой. Однако рассматривается данная проблема совсем в другом ключе – коммуникативном, где важнейшую роль играют социальные, политические, культурные и другие факторы, а исследователей больше интересует не то, насколько точно языковые средства описывают реальность, а как и с помощью каких средств реализуется выражение социальных аспектов последних, а также личный и общественный статус коммуникантов.

В каком-то смысле социолингвистика изучает не столько язык как систему знаков (*la langue*, по Ф. Соссюру), сколько способы его применения, коммуникативную речевую практику человека (*la parole*). Отсюда смена приоритетов (когнитивного на коммуникативный), смена методологии, способов визуализации в процессе установления значения, которое и может быть выражено только как социальное значение, а не иначе.

Но эта смена, как авторы пытались продемонстрировать ранее, оказалась обусловленной философскими интенциями (аналитической философией), которые было бы неправильно противопоставлять социолингвистическим.

К тому же сами социолингвисты полагают, что теория социального значения должна быть вписана в общую теорию значения, без чего она не сможет состояться как методологическое средство изучения коммуникативных характеристик использования языка. В частности, социолингвист М.-Б. М. Хансен отмечает, что социолингвистике следует сделать шаг назад и рассмотреть, как семантические, прагматические и социальные значения взаимодействуют друг с другом. Данный шаг предполагает включение теории социального значения в более общую теорию значения в коммуникации. Для достижения такой интеграции, которая действительно весьма желательна, общая теория значения должна включать (под) теорию, которая специально стремится объяснить интерпретации, полученные слушателями, независимо от того, были ли эти интер-

претации намеренными со стороны говорящих [Hansen 2025, 83]. Другой вопрос, что такой (под)теории ещё не создано, а теория общего значения представляется уделом аналитической философии и лингвистической семантики.

Обращение к речи и устным языковым формам изначально лишает язык определённой устойчивости и абстрактности, поскольку говорящий всегда актуален, индивидуален, находится в конкретной ситуации повседневности, что, с одной стороны, облегчает задачу использования им лингвистических средств, так как ему необходимо выразить нечто, непосредственно относящееся к данному случаю, а с другой стороны, осложняет, поскольку он свободен в своих проявлениях речевого поведения. Речевым практикам поэтому присущи динамизм, неповторяемость и вариативность, что, кстати, отразилось в названии одного из направлений социолингвистики (вариационная социолингвистика – У. Лабов).

Непосредственность осуществления устной коммуникации обусловила появление ещё одного социолингвистического направления и соответствующей методологии – этнографии коммуникации (этнография речи – Д. Хаймс), где акцент делался на использование этнометодологии, которую чуть ранее разработал Г. Гарфинкель для исследований социальной реальности.

Также активно использовались социологические методы, которые привели к становлению социологии языка как ещё одного направления социолингвистики (Дж. Фишман). Но проблема социального значения больше рассматривалась в рамках вариационной социолингвистики и этнографии коммуникации, поскольку, во-первых, здесь она получила социолингвистическое определение и наполнение, во-вторых, здесь наиболее активно формировалась и плодотворно эволюционировала традиция исследовательских подходов к ней.

Учитывая, что разнообразие направлений и походов в социолингвистике не уступает соответствующим параметрам в аналитической философии, было бы странным братья за их полное освещение в рамках статьи. Поэтому авторам представляется важным сосредоточиться на наиболее значимых аспектах и тенденциях по теме социального значения, не углубляясь в детали. К таким значимым аспектам и тенденциям следует отнести вопросы дефиниции понятия «социальное значение», концептуализации предметной и методологической составляющих этапов рассмотрения данной проблемы, обозначение основных способов реализации социального значения в коммуникативной практике. При этом заметим,

что все указанные аспекты взаимообусловлены, что предполагает соответствующее рассмотрение последних.

Концепт «социальное значение» (social meaning) именно как понятие не вызывает существенных споров у социолингвистов, поскольку последние вкладывают в него примерно одно и то же содержание, которое связано с изучением того, как с помощью языковых средств обозначается социальная реальность.

В частности, Р. Подесва, американский социолингвист, полагает, что социальное значение в узком смысле заключается в предположениях, которые слушатели делают о социальных характеристиках говорящих на основе манеры речи этих говорящих, включая, в частности, акцент, качество голоса или реализацию социолингвистических переменных, таких, например, как вариация между [is] и [in], встречающаяся в английских окончаниях причастия настоящего времени (например, *talking* vs *talkin'*) [Podesva 2011, 244].

Другой американский социолингвист Э. Актон под социальным значением понимает совокупность выводов, которые можно сделать на основе того, как язык используется в конкретном взаимодействии. Эта совокупность выводов может быть связана с прагматической функцией самого высказывания [Acton 2021, 107]. Похожие дефиниции мы можем встретить и у других социолингвистов [Beltrama, Casasanto 2021, 84].

В отношении социального значения проблема состоит не в том, что вкладывают в содержание этого понятия исследователи, а в том, какими средствами формируется это социальное значение. Интересно, что в социолингвистических подходах также можно встретить тенденцию, которая имела место в отношении проблемы значения языкового выражения в рамках аналитической философии только применительно к проблеме социального значения. Эта тенденция связана с попыткой выявить стабильность связи между самим языковым выражением и его значением, только в социолингвистике она заключалась в попытках обнаружить стабильные связи между различными аспектами социальности и языковыми средствами их выражения. Нельзя сказать, что данная попытка успешно была реализована, скорее, наоборот, но важно отметить сходство в исследовательских интенциях представителей рассматриваемых предметных областей.

В отношении способов выражения языковыми средствами характеристик социальной реальности существует много исследований, имеющих разные методологические основания, поэтому авторы предлагают, ориентируясь на некоторый аналог по типу

парадигмы Т. Куна, использовать один из самых признаваемых и поддерживаемых среди социолингвистов подход в отношении проблемы социального значения. Это подход американской социолингвистики П. Эккерт, представительницы вариационного направления социолингвистики, о трёх волнах исследований социального значения, где «волна» выступает своеобразным аналогом понятия «парадигма».

П. Эккерт демонстрирует, что исследование социального значения в социолингвистической вариации прошло три волны (парадигмы) аналитической практики. Первая волна (парадигма) исследований вариации установила общие корреляции между лингвистическими переменными и макросоциологическими категориями социально-экономического класса, пола, этнической принадлежности и возраста. Исследователи (У. Лабов, П. Траджил и др.) пытались установить устойчивую взаимосвязь между данными социальными характеристиками и вариациями языковых выражений, их отражающих.

Вторая волна (Дж. Милрой, Дж. Холмквист и др.) использовала этнографические методы для изучения локальных категорий и конфигураций, которые составляют эти более широкие категории (их дифференциальные составляющие, например такие, как диалекты, урбанолекты, социолекты и т.д.). Эти исследования выявили, что данные связи имеют место в процессе коммуникации, но они также показали, что в повседневном общении такими зависимостями нельзя ограничиться, поскольку большую роль играют в их реализации индивидуальные особенности участников взаимодействия.

На обоих этапах вариация рассматривалась как обозначение социальных категорий (качеств) коммуникантов в качестве стабильных характеристик (о чем мы говорили чуть выше).

Третья волна (парадигма) проявилась в исследованиях начала XXI в. и реализуется до сих пор. Её суть в том, что языковая вариативность рассматривается как прочная социальная семиотическая система, в которой потенциально заключён весь спектр социальных проблем в рассматриваемом сообществе. Социальные значения переменных являются недоопределёнными и приобретают более конкретные значения в контексте стилей, а вариативность не столько отражает, сколько конструирует социальное значение, следовательно, является движущей силой социальных изменений [Eckert 2012, 89].

Как видно из лаконичных характеристик исследовательских парадигм социального значения, в них присутствует два основных

направления социолингвистики из трёх устоявшихся, что позволяет авторам считать рассматриваемый подход репрезентативным. Здесь также просматривается тенденция «индивидуализации» лингвистического значения как фактора социальной неопределённости.

Важно обратить внимание на то, что в отношении механизмов выражения социального значения социолингвисты активно используют семиотическую модель Ч. Пирса, а не Ф. Соссюра. Во многом это обусловлено динамикой устных способов коммуникации в аспекте проявления социальных характеристик её участников. Модель Ф. Соссюра (означающее–означаемое) лучше подходит для обозначения стабильных форм отношений языка и реальности, где проблема значения сфокусирована на языке и устоявшихся вариантах его использования. Тогда как у Ч. Пирса троичная модель знака (знак, объект, интерпретатор) добавляет вариативности и гибкости в способы выражения значения посредством роста возможностей интерпретации и разнообразия применения знаковых единиц. Это позволяет использовать как языковые, так и другие инструменты для репрезентации.

Как отмечают социолингвисты третьей волны Л. Холл-Лью, Э. Мур, Р. Подесва в отношении системы Ч. Пирса, социальное значение (значения), к которому приходят слушатели, пусть даже и неопределённо, может быть определено только в момент использования, в зависимости от конкретных идеологий, актуальных в контексте. То есть, хотя все лингвистические формы потенциально могут обозначать социальное значение, форма делает это только тогда, когда наша система идей и убеждений создаёт связь между формой и типом социального значения (таким как позиция, личность или социальный тип). Это и есть процесс индексальности, как он формулируется в лингвистической антропологии [Hall-Lew, Moore, Podesva 2021, 3]¹.

Исследователи «третьей волны» социолингвистики в отношении социального значения отмечают предпочтение индексальных механизмов его выражения в коммуникативных практиках. Это обусловлено тем, что индексальные отношения имеют ассоциативное

¹ Напомним, что, по Ч. Пирсу, знаки могут быть трёх типов: иконические, индексальные, символические. Первые (знаки-иконки) имеют сходство с объектом (например, фотография человека демонстрирует его образ). Вторые (знаки-индексы) являются способами обозначения признаков объекта (например, след на песке указывает на того, кто по нему прошёл). Третьи (знаки-символы) указывают на объект не на основании сходства, а на основании конвенции (например, знак «+» выражает по согласию участников коммуникации операцию сложения).

проявление, которое больше свидетельствует о смысловых возможностях того, кто воспринимает речь (текст, письмо), нежели того, кто говорит. Как показывает П. Эккерт, индексы указывают, а не ссылаются, непосредственно вступая в интерактивную общую основу, чтобы обозначить интерпретацию. Центральным элементом индексальности выступает её ассоциативность. Индексальный знак вызывает ассоциации с чем-то в физическом, временном или социальном мире, и это «что-то» может вызывать ассоциации с другими вещами в мире с гибкостью, ограниченной только общей основой. Например, южный акцент указывает на то, что говорящий родом с юга, и интерпретатор может сделать вывод о качествах, стереотипно ассоциируемых с южанами, которые, как он считает, были сконструированы обществом [Eckert 2019, 755].

Иными словами, индексальные отношения – это отношения, которые позволяют любые лингвистические средства связать с выражением реальности (социальной реальности), где ключевым процессом становится процесс идентификации говорящего (пишущего, читающего) с социальным контекстом, в котором все названное происходит. И главное, что человек с помощью вариаций индексальных отношений не просто воспроизводит социальное значение гибко и разнообразно, но и одновременно конструирует его. Как уточняет американский социолингвист К. Чжан [Zhang 2021], социальное значение в рамках парадигмы третьей волны рассматривается как изменчивое. Оно создаётся по мере использования лингвистической вариативности в стилистической практике и интерпретирует социальные позиции и их оценки как возникающие, так что социолингвистическая вариативность не просто отражает и служит маркером социального, но и участвует в его становлении [Zhang 2021, 273].

Авторы не будут подробно останавливаться на демонстрации разнообразия семиотических механизмов выражения социального значения с использованием модели Ч. Пирса, поскольку в литературе (в том числе отечественной) эти вопросы подробно представлены [Найман 2021; Молодыхенко, Чернявская 2022].

Мы акцентируем внимание лишь на нескольких моментах, которые подчеркнут специфику способов демонстрации социального значения в социолингвистике.

В частности, наиболее значимым фактором выражения социального значения социолингвисты третьей волны признают стиль, процессы языковой стилизации и одновременно идеологизации последней, подчёркивая приоритет «индивидуального способа» установления социального значения в процессе коммуникации.

С одной стороны, это повышает степень неопределённости социального значения, потому что идентификация, осуществлённая воспринимающей стороной в процессе общения, актуальна только в момент его возникновения, делает её спонтанной и несистемной, с другой стороны, выступает определённым основанием установки на то, что нужно быть ко всему готовым, к тому, что социальное значение, которое сформируется, может быть неожиданным в силу индивидуальных особенностей коммуникантов, стилевых нюансов последних. Идеологизация же происходит как определённый способ преодоления постоянного риска неопределённости социального значения и поиска ощущения состояния его устойчивости.

Д. Ирвайн, С. Гал выявили, как происходит процесс идеологизации социального значения посредством трансформации индексальных отношений в иконические. Они обратили внимание, что неопределённость социального значения может привести к появлению ряда различных индексальных путей. Индексальные отношения могут быть преобразованы в иконические посредством процесса иконизации, в результате которого индексальная связь становится такой, как если бы лингвистическая особенность каким-то образом изображала или отображала присущую социальной группе природу или сущность. Иконические отношения между формой и значением основаны на местной идеологии и, таким образом, могут стереть индексальные порядки, через которые развивалось социальное значение формы [Irvine, Gal 2000, 45–47].

Получается, что «индивидуализация» социального значения посредством актуализации понимания влияния стилистических особенностей коммуникантов в процессе общения делает последнее неоднозначным и максимально вариативным, но, с другой стороны, в качестве своеобразной защитной реакции человека трансформирует тип связи между языковым выражением и его значением в иконический в качестве своеобразного ориентира, что проявляется в процессе идеологизации этого социального значения (выбор хоть какого-то относительно устойчивого варианта-ориентира в поведении и коммуникации).

Как уточняют этот механизм формирования социального значения исследователи Л. Холл-Лью, Э. Мур, Р. Подесва, связь между формой (языком) и социальным значением по своей сути является неопределённой. Она возникает в стилистическом контексте, а не является заранее предопределённой. В рамках третьей волны утверждается, что соотношение формы и значения определяется тем, как оно используется во взаимодействии. Поэтому аналитиче-

ский фокус смещается в сторону неоднозначности и множественности значений: как говорящий ориентируется во всех возможных значениях, доступных в данном взаимодействии, каковы эти значения и почему. Это сопоставление одной формы с несколькими потенциальными значениями, или множественность, возможно, наиболее понятно с помощью концепции индексального поля П. Эккерт, которое представляет собой «созвездие» идеологически связанных значений, любое из которых может быть активировано в ситуативном использовании переменной [Hall-Lew, Moore, Podesva 2021, 8].

Примером такой стилизации может послужить исследование формирования нового языкового стиля в современном Китае на базе официального варианта китайского языка (мандарин, путунхуа), который исследовательница К. Чжан называет «космополитический мандарин» (КМ) и благодаря которому происходит как отражение, так и конструирование новых социальных реалий в этой стране. Главные изменения, которые привели к появлению этого инновационного языкового стиля, связаны с последними тремя десятилетиями в Китае и происходящими в связи с этим ростом качества жизни, формированием «среднего класса» и социальным расслоением китайского общества. Они привели к отходу от традиции эгалитаризма.

Возникновение космополитического мандарина явилось лингвистическим отражением социальных преобразований, поскольку последний выступил альтернативой традиционному стандартному языку, с одной стороны, и своеобразным механизмом лингвистического функционирования и дальнейшего конструирования новых социальных реалий – с другой. У каждой новой социальной общности формировался свой стиль использования традиционного мандарина, на основании которого они идентифицировали себя как новую социальную общность. К. Чжан выявила четыре социолингвистических переменных в языковом стиле китайских яппи (группа профессиональных работников на иностранных предприятиях в Китае 1990-х гг.) в качестве основания для выделения нового языкового стиля – КМ (ротация (эрхуа), смягчение ретрофлексных обSTRUENTных начальных звуков, межзубная реализация зубных шипящих звуков, полная реализация нейтрального тона в слабуюдарном слоге), которые участвовали и играли ключевую роль в формировании социальных значений [Zhang 2021, 274–275].

Формирование и функционирование космополитического мандарина сопровождалось операциями иконизации стилевых особенностей как способа его утверждения. Поскольку стили как системы различий являются, по сути, идеологическими, то отличие

стиля приобретает смысл только в противопоставлении другим стилям. Идеология же формирует понимание людьми социально значимых полюсов различий, а также формирует интерпретацию и оценку стилистических элементов и практик, создающих такие различия. Поэтому каждая социальная общность «иконизировала» свой языковой стиль в качестве своего способа установления социального значения.

При этом наличие такого стиля не является, по мнению К. Чжан, чем-то определяющим, и группа, его применяющая, может в любой момент поменять стиль как в коллективном, так и индивидуальном формате, потому что стиль – очень удобная и гибкая форма самопрезентации, в том числе в языковом формате. И это есть особенность формирования социального значения в эпоху третьей волны. Неслучайно К. Чжан в то же время констатирует, что появление космополитического мандарина является спорным процессом, сопряжённым с индексальной нестабильностью и множественностью, процессом, в котором космополитический мандарин и его составные элементы связаны с разнообразными и часто противоречивыми индексальными значениями [Zhang 2021, 269].

Таким образом, можно констатировать, что в рамках социолингвистических подходов к вопросам визуализации социального значения, где преобладает коммуникативный вектор его установления, исследователями выявлено и проанализировано большое количество средств, отражающих вариативность и сложности процессов социализации в современном обществе, а также отсутствие устойчивых связей между социальными характеристиками людей и языковыми формами их означивания. Но это не значит, что социальное значение коммуникативно не может быть установлено, а значит, что оно ситуативно, вариативно, спонтанно и может быть легко изменено на другое социальное значение в зависимости от индивидуальных обстоятельств человека. В то же время последний склонен в области социальных значений искать некоторую стабильность, достигаемую посредством смены семиотических механизмов (использование иконических приёмов), которая проявляется посредством идеологизации языковых практик.

Социальное значение и его визуализации в области терминологии

Обращение к сфере терминологии, как анонсировалось в самом начале, обусловлено тем, что в отношении темы значения и соци-

ального значения языковых выражений она выступила тем полем, в рамках которого возникла необходимость сочетать (совмещать) когнитивный и коммуникативный аспекты рассматриваемой проблемы. Собственно, формирование терминологии как отдельной автономной отрасли связано с развитием науки, техники и технологий (инженерной деятельности) в направлении использования их в качестве инструментов формирования социальности современного общества.

Изначально терминология понималась как когнитивный инструмент выражения концептуальной составляющей различных предметных областей науки и техники. И в этом случае терминология любой научной и технической дисциплины формировала совокупность семантической сферы каждой из них посредством словарей и справочников. Полагалось, что специалисты создают терминологические продукты любой научной и технической области, заключающие в себе когнитивные результаты в отношении изученности последних. Считалось, что подобный формат будет исчерпывающим, поскольку разработан профессионалами.

Активное внедрение технологий в повседневные социальные практики продемонстрировало, что такое представление о терминологии как когнитивном феномене не работает, поскольку язык инструкций внедряемой технологической продукции, сформулированный профессионалами, оказался не очень понятным рядовым потребителям. Более того, выяснилось, что формирование терминологической продукции с помощью профессионалов может вызывать существенные расхождения в трактовке значений терминов между специалистами, чаще обусловленные разными социальными контекстами их деятельности, а также тем, на каком языке и в рамках какой национальной культуры эти терминологические продукты используются. Особенно переводческий аспект значения языкового выражения актуализировался в процессе усиления процессов информатизации и глобализации.

Иными словами, выяснилось, что значение терминов меняется, если сказать предельно общим образом, в зависимости от социального контекста их применения (коммуникативная функция). По сути, возникает своеобразная «терминологическая проблема следования правилу», которая обусловлена особенностью употребления терминов, когда их когнитивная составляющая связана с коммуникативной ситуацией применения. И если в аналитической философии и социолингвистике эти форматы условно (очень условно) можно было бы развести посредством дифференциации

сфер языка как формальной семиотической системы (акцент на письменности) и как устной коммуникации (акцент на речевых актах говорящего), то в терминологии, чьё предназначение заключается в демонстрации когнитивных результатов, такое разведение видится неприемлемым, поскольку лишает последнюю реализации её основной функции.

Важно пояснить, что описываемая ситуация, с которой столкнулись инженеры в качестве терминологов, возникла ещё до того (20–30-е гг. XX в.), как Л. Витгенштейн сформулировал новый подход к интерпретации проблемы значения языкового выражения как употребления и проблему следования правилу.

В то же время такая ситуация приводит к основной проблеме терминологической деятельности – сочетанию когнитивной и коммуникативной функций в процессе её функционирования, к вопросу их сочетания без ощутимого ущерба для каждой из этих функций. Или, если переформулировать на язык настоящей публикации, как сочетаются проблема значения (общего значения) и социального значения между собой?

Следует заметить, что, возможно, здесь и нет проблемы, поскольку в отношении аспекта значения языкового выражения (общего значения) речь идёт о том, как устанавливается значение языка, описывающего какой-то фрагмент реальности вообще (либо на какой-то определенный момент). Важен момент стабильности последнего, выражающий факт фиксации значения. Тогда как для социального значения важно не то, что уже установлено какое-то значение языкового выражения, а как оно использовано (или будет употреблено), что, как правило, приводит к его изменению (утрате стабильности). Поэтому при определении когнитивного содержания значения важно одно (связь между языковым элементом и фрагментом реальности посредством установления значения), а при определении коммуникативной функции важно связать ситуативную специфику пользователя языкового выражения и его значения с социальными, индивидуальными и культурными особенностями последнего, где уже речь о стабильности значения не идёт, а актуализируется аспект его динамики и варьирования. Если эти моменты рассматривать по-отдельности, то здесь нет проблемы. Либо можно ещё так представить, что речь идёт о многообразии социальных вариантов, которые вносят новые аспекты означивания языкового выражения, что не столько противоречие, сколько следствие многообразия социальных обстоятельств применения языка как семиотического феномена.

Но в терминологии, где, с одной стороны, термин должен продемонстрировать когнитивный формат его концептуальной сферы в определенной предметной области, а с другой стороны, эта демонстрация происходит в разных социальных контекстах, развести эти функции достаточно сложно. Можно сказать, невозможно. Поэтому авторы и говорят о когнитивно-коммуникативном аспекте проблемы значения (социального значения) как специфическом формате визуализации проблемы социального значения. Суть выполнения такой функции в сфере лингвистической семиотики заключается в том, что актуализация какого-то одного из аспектов этой функции ведёт к неопределённости другого аспекта. Можно провести аналогию с принципом неопределённости В. Гейзенберга, согласно которому специфика человеческого мировосприятия устроена так, что он не может одновременно точно измерить все характеристики частицы (её координаты, например, и импульс). Так и в отношении проблемы значения / социального значения сложно одновременно точно представить значение языкового выражения вообще и в конкретной социальной ситуации.

Особенно хорошо демонстрирует такое развитие этой темы история теорий терминологии (терминологического развития). Условно теории терминологии (терминологического планирования) можно разделить на когнитивно-ориентированные – общая теория терминологии О. Вюстера, социокогнитивная теория терминологии Р. Теммерман (важна стабильность значения термина, отсюда прескриптивный характер терминологической деятельности), и коммуникативно-ориентированные – коммуникативная теория терминологии М.Т. Кабре, социокогнитивная теория терминологии Р. Теммерман, фреймовая теория терминологии П. Фабера, социотерминологическая теория Ф. Година, культурная теория терминологии М. Дики-Кидири (важно уточнение условий применения термина, в рамках которых и проявится его значение, отсюда дескриптивный характер терминологической деятельности).

Как видно, теории можно разделить по принципу приоритетов, которые заявляются их разработчиками: либо когнитивный приоритет, либо коммуникативный приоритет. Есть только одна теория, которая может быть отнесена и к одной, и к другой группе. Это социокогнитивная теория терминологии Р. Теммерман.

Авторы позволяют себе не углубляться в подробный анализ представленных терминологических теорий и особенности их развития в рамках рассматриваемой проблемы, поскольку ими это уже сделано ранее [Ардашкин, Суровцев 2022].

Мы продемонстрируем на примере социокогнитивной теории, что одновременное сочетание этих двух функций в рамках терминологии не слишком получается, несмотря на то что эту теорию отнесли сразу к двум группам.

Собственно, разделение теорий терминологии на когнитивно-ориентированные и коммуникативно-ориентированные носит очень условный характер, особенно если речь вести о когнитивно-ориентированных теориях, которые внесены в эту группу авторами статьи в качестве следствия намерений их разработчиков данную функцию скорее заявить для терминологической деятельности, нежели реализовать.

В общей теории терминологии О. Вюстера, которая сформировалась на основе практики организации международной терминологической деятельности в период с 30-х по 70-е гг. XX в. и оформилась в качестве теории только в 70-е гг. прошлого столетия, когнитивная функция проявилась посредством механизмов жёсткого социального управления, заключавшегося в необходимости унификации и стандартизации терминологии в рамках международного взаимодействия под эгидой ООН. Формат унификации и стандартизации терминологии заключался во ведении единых правил сбора, обработки и фиксации терминологии. Показательным в этом аспекте выступало требование: один термин – один концепт в одной предметной области, который строго фиксировал когнитивное значение термина, искусственно ограничивая социальную и семантическую сферу его применения [Wuster, 1979]. Терминологическая работа и планирование осуществлялись на основе данной нормы, которая была удобна для управления терминологической деятельностью, но сильно ограничивала её когнитивные и коммуникативные возможности.

Неслучайно с 90-х гг. XX в. в терминологии совершается революция по отношению к общей теории терминологии. Не отбрасывая последнюю как основу терминологической деятельности в плане унификации и стандартизации, возникают новые теории, демонстрируя её слабые места в отношении когнитивных и коммуникативных возможностей.

В процессе пересмотра общей теории появляется социокогнитивная теория терминологии Р. Теммерман, в которой, как и в коммуникативной теории, и во фреймовой теории, и в других теориях, демонстрируется невозможность искусственных ограничений значений термина (по типу один термин – один концепт), прескриптивного характера терминологической деятельности в

силу актуализации его значения в конкретный момент ситуации его применения и т.д.

В то же время Р. Теммерман считала важным, в отличие от авторов других теорий, сохранить когнитивную функцию терминологии в качестве стабильной составляющей, которая бы позволяла управлять её развитием в целях сообщества [Temmerman 2000]. Реализация данной потребности, по мнению бельгийского терминоведа, возможна за счёт разработки новой методологии. Она строилась на основе такого подхода, как термонтография.

Термонтография – это подход, который формируется путём сочетания терминологического и онтологического подходов. В каком-то смысле это сочетание языковых (терминологических) и онтологических (на основе информационных технологий) начал, формирование единой среды, в которой язык и реальность (в виде онтологий) интегрированы.

Как уточняют сами представители социокогнитивной теории терминологии, термонтография выражает собой мультидисциплинарный подход, в котором теории и методы многоязычного терминологического анализа социокогнитивного подхода сочетаются с методами и рекомендациями по онтологическому анализу. Мотивация для объединения этих двух областей исследований проистекает из того, что существующие методологии составления терминологии и разработки онтологий имеют значительные общие черты. Например, при построении онтологии или составлении терминологической базы данных как онтологи (инженеры-программисты), так и терминологи начинают с определения своих целей, ограничения предметной области, спецификации требований [Temmerman., Kerremans 2003].

Под онтологией (онтологиями) подразумеваются информационные основания в виде баз знаний и баз данных. Процесс терминологической обработки онтологии (баз данных) приводит к её трансформации в базу знаний (другой тип онтологии, сформированный с помощью терминологического анализа).

Когнитивной функцией термина в рамках социокогнитивной теории выступает то, что последний обретает специфическую структуру. Сам термин имеет когнитивную и коммуникативную составляющие. Когнитивная составляющая в рамках данной теории представлена единицами понимания (units of understanding). Единица понимания не тождественна термину, она может быть выражена не только термином как лингвистическим знаком, но и другими средствами (образы, ассоциации, сценарии и т.д.).

Р. Теммерман выделяет два типа «единиц понимания»: категории и концепты. Отличие одного типа от другого осуществляется по принципу наличия / отсутствия общих знаковой и семантической основ. Если единицы понимания разных баз данных имеют такие общие (прототипические) пересечения, то они получают наименование категории. Если же единицы понимания не имеют таких общих оснований, то они характеризуются концептами.

Получается, что термины, которые связаны в разных базах данных в качестве категориальных единиц понимания, могут быть стандартизированы в когнитивном плане (установить стабильность связи термина и его значения в разных онтологиях). Тогда как единицы понимания концептуального типа не могут быть стандартизированы в когнитивном плане.

В таком подходе, как представляется авторам, заложена надежда представителей социокогнитивной теории на то, что онтологии как информационные платформы могут иметь всеобщий доступ и универсальный формат для любого пользователя вне зависимости от его индивидуальных, социальных и культурных обстоятельств. Но то, что интерпретация терминов этой онтологии осуществляется индивидуально и уже с учётом всех составляющих ситуации, не отменяет факт того, что эти платформы имеют такое универсальное происхождение. То есть стабильность связи термина и его значения наличия подобных онтологий не гарантирует.

Эта стабильность может возникнуть в результате консенсуса между пользователями как самих онтологий, так и методологии, которую они используют. Но все равно коммуникативный формат использования терминологии такая попытка применения когнитивной функции последней как чего-то стабильного не компенсирует. Тем более что и сами создатели социокогнитивной теории согласны с представителями других теорий терминологии, возникших на основе критики общей теории, в том, что значение термина формируется в полной мере в момент его употребления. Собственно, название теории как социокогнитивной отчасти об этом свидетельствует, так как показывает зависимость когнитивного результата применения термина от социальных обстоятельств.

Другое дело, что в рамках социокогнитивной теории приходит понимание роли каждого пользователя онтологий посредством терминологии как когнитивно-коммуникативного феномена. Терминологически обработанные онтологии (базы знаний) имеют режим открытого, доступного, равнозначного онлайн-формата, где ключевым способом их использования и поддержания в актуаль-

ном состоянии выступает краудсорсинг (методология привлечения широкой аудитории для разработки, формирования, хранения и поддержания в рабочем состоянии терминологических информационных платформ). Это означает, что изменение коммуникативной составляющей терминологической онтологии (изменение количества пользователей, которое происходит нерегулируемо) приводит к изменению когнитивной составляющей, поскольку каждый имеет возможность внести в базу свои дополнения (добавляет неопределённости в семантическую составляющую терминологии). Соответственно, изменение когнитивной составляющей меняет коммуникативную составляющую, требуя от пользователей осуществлять дополнительные усилия по перепроверке когнитивных данных.

Иными словами, обращение к сфере терминологии (теориям терминологии) продемонстрировало, что проблема социального значения в этой сфере представлена как принцип неопределённости, когда когнитивная и коммуникативная функции влияют друг на друга посредством уточнения содержания одной за счёт повышения степени неопределённости другой. Такого рода процессы могут происходить в рамках подходов аналитической философии и социолингвистики, но в этих областях чаще мы встречаем способы исследования какой-то одной из обозначенных функций языковых выражений.

Заключение

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что проблема социального значения лучше всего визуализируется в подходах социолингвистики и коммуникативно-ориентированных теорий терминологии, – в разных вариативных нестабильных проявлениях, связанных не только с социальными свойствами человека, но и с особенностями его идентификации в социальном контексте. Динамизм проявляемого социального значения обусловлен непосредственностью контекста коммуникации, её «живым функционированием», что постоянно осложняет способы его проявления и интерпретации. В связи с этим когнитивный аспект языковых выражений также носит неопределённый и непостоянный характер, который можно преодолеть посредством ограничения коммуникативного пространства (ограничивая его открытость и применяя механизмы формализации).

В подходах аналитической философии проблема визуализации социального значения не ставится, но признается и формальным

образом исследуется фактор влияния социального контекста на процессы означивания и интерпретации языкового выражения. Это актуализирует когнитивную функцию языка в процессе изучения проблемы значения (общего значения) последнего.

В подходах социолингвистики проблема визуализации социального значения изучается самым активным и непосредственным образом, что в некотором смысле позволяет исследователям полнее рассматривать коммуникативную функцию языка. Демонстрируется многообразие социальных ситуаций человека, для которого сложно подобрать системно устойчивые способы означивания и интерпретации. С одной стороны, это позволяет свободнее использовать социальные нюансы статуса человека посредством языковых средств, с другой стороны, последний стремится стабилизировать важные для него социальные значения с помощью идеологизации некоторых из них, закрепляя значимые смыслы за определенными языковыми выражениями, что может носить дискриминационный характер.

В теориях терминологии выявляются когнитивные и коммуникативные функции языка, которые одновременно не могут проявиться в процессе использования терминологии. Если актуализируется и визуализируется когнитивная функция термина, то это повышает степень неопределённости и меньшей визуализации коммуникативной функции, и наоборот.

Важно констатировать, что проблема значения / социального значения при всей степени своей изученности представляет интерес для исследователей, и до сих пор не сформировалось подхода, позволяющего одновременно рассматривать её не по отдельным позициям, а полностью. Но, как демонстрируют наши рассуждения, вероятность достижения такого результата чрезвычайно низка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ардашкин, Суровцев 2022 – Ардашкин И. Б., Суровцев В. А. Параллелизм семантических теорий аналитической философии и теорий терминологического планирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 70. С. 5–19.
- Бейкер, Хакер 2008 – Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2008.
- Витгенштейн 2019 – Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2019.
- Дидикин 2015 – Дидикин А.Б. Интерпретация проблемы следования правилу в аналитической философии права // Вестник Томского

- государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2(30). С. 83–89.
- Крипке 2010 – Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / пер. с англ. В. А. Ладова, В. А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.
- Куайн 2000 – Куайн У. Слово и объект / пер. с англ.: А. З. Черняк, Т. А. Дмитриев. М., 2000. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 21.10.2010. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4733> (дата обращения: 10.09.2025).
- Молодыхченко, Чернявская 2022 – Молодыхченко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. № 19 (1). С. 103–124.
- Найман 2021 – Найман Е. А. Семиотические механизмы формирования социального значения в языке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 87–100.
- Остин 1999 – Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Суровцев 2020 – Суровцев В. А. Следование правилу и социальная теория // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 50–55.
- Суровцев 2022 – Суровцев В. А. Реальность лингвистического значения и языковые игры // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2022. Вып. 3 (33). С. 135–144.
- Суровцев, Ладов 2008 – Суровцев В. А., Ладов В. А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.
- Фомин, Ильин 2019 – Фомин И. В., Ильин М. В. Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 4. С. 123–141.
- Acton 2021 – Acton E. K. Pragmatics and the Third Wave: The Social Meaning of Definites // Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave / L. Hall-Lew, E. Moore, R. Podesva (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 105–126.
- Beltrama, Casasanto 2021 – Beltrama A., Casasanto L. S. The Social Meaning of Semantic Properties // Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave / L. Hall-Lew, E. Moore, R. Podesva (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 80–104.
- Eckert 2012 – Eckert P. Three Waves of Variation Study: The Emergence of Meaning in the Study of Sociolinguistic Variation // Annual Review of Anthropology. 2012. № 41 (1). P. 87–100.
- Eckert 2019 – Eckert P. The limits of meaning: Social indexicality, variation, and the cline of interiority // Language. 2019. Vol. 95, is. 4. P. 751–776.
- Grice 1975 – Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. Vol. 3. P. 41–58.

- Hall-Lew, Moore, Podesva 2021 – *Hall-Lew L., Moore E., Podesva R.* Social Meaning and Linguistic Variation: Theoretical Foundations // *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* / L. Hall-Lew, E. Moore, R. Podesva (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 1–24.
- Hansen 2025 – *Hansen M.-B. M.* Social meaning as Hearer's Meaning: Integrating social meaning into a general theory of meaning in communication // *Journal of Pragmatics*. 2025. № 241. P. 81–91.
- Hart 1994 – *Hart H. L. A.* Concept of Law. Second edition. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Irvine, Gal 2000 – *Irvine J., Gal S.* Language ideology and linguistic differentiation // *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities* / P. V. Kroskrity (ed.). Santa Fe, NM: School of American Research Press, 2000. P. 35–83.
- Podesva 2011 – *Podesva R. J.* Salience and the social meaning of declarative contours: three case studies of gay professionals // *Journal of English Linguistics*. 2011. № 39 (3). P. 233–264.
- Saussure 1995 – *Saussure F.* De Cours de Linguistique Générale / publié par Ch. Bally et A. Séchehaye; avec la collaboration de A. Riedlinger; ed. critique préparée par T. de Mauro; postf. de L.-J. Calvet. Paris: Payot, 1995.
- Temmerman., Kerremans 2003 – *Temmerman R., Kerremans K.* Termontography: ontology building and the sociocognitive approach to terminology description // *Proceedings of CIL 17*. 2003. Vol. 7. P. 1–10. URL: https://www.academia.edu/851013/Termontography_Ontology_building_and_the_sociocognitive_approach_to_terminology_description (accessed: 17.09.2025).
- Temmerman 2000 – *Temmerman R.* Towards New Ways of Terminology Description. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000.
- Wuster 1979 – *Wuster E.* Introduction to the general theory of terminology and terminological lexicography. Wien: Springer, 1979.
- Zhang 2021 – *Zhang Q.* Emergence of Social Meaning in Sociolinguistic Change // *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* / L. Hall-Lew, E. Moore, R. Podesva (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 267–291.

REFERENCES

- Acton, E. K. (2021). Pragmatics and the third wave: The social meaning of definites. In L. Hall-Lew, E. Moore, & R. Podesva (Eds.), *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* (pp. 105–126). Cambridge University Press.
- Ardashkin, I. B., & Surovtsev, V. A. (2022). Parallelizm semanticheskikh teoriy analiticheskoy filosofii i teoriy terminologicheskogo planirovaniya [Parallelism of semantic theories of analytic philosophy and theories of terminological planning]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 70, 5–19.
- Austin, J. L. (1999). *Izbrannoe* [Selected works] (L. B. Makeeva & V. P. Rudnev, Trans.). Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi.

- Baker, G. P., & Hacker, P. M. S. (2008). *Skeptitsizm, pravila i yazyk* [Skepticism, rules and language] (V. A. Ladov & V. A. Surovtsev, Trans.). Kanon+ Reabilitatsiya.
- Beltrama, A., & Casasanto, L. S. (2021). The social meaning of semantic properties. In L. Hall-Lew, E. Moore, & R. Podesva (Eds.), *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* (pp. 80–104). Cambridge University Press.
- de Saussure, F. (1995). *Cours de linguistique générale*. Payot.
- Didikin, A. B. (2015). Interpretation of the rule-following problem in analytic philosophy of law. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2(30), 83–89. (In Russian).
- Eckert, P. (2012). Three waves of variation study: The emergence of meaning in the study of sociolinguistic variation. *Annual Review of Anthropology*, 41(1), 87–100. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092611-145828>
- Eckert, P. (2019). The limits of meaning: Social indexicality, variation, and the cline of interiority. *Language*, 95(4), 751–776. <https://doi.org/10.1353/lan.2019.0072>
- Fomin, I. V., & Ilyin, M. V. (2019). Sotsial'naya semiotika: traektorii integratsii sotsiologicheskogo i semioticheskogo znaniya [Social semiotics: Trajectories of integrating sociological and semiotic knowledge]. *Sociological Journal*, 25(4), 123–141.
- Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Syntax and semantics* (vol. 3, pp. 41–58). Academic Press.
- Hall-Lew, L., Moore, E., & Podesva, R. (2021). Social Meaning and Linguistic Variation: Theoretical Foundations. In L. Hall-Lew, E. Moore, & R. Podesva (Eds.), *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* (pp. 1–24). Cambridge University Press.
- Hansen, M.-B. M. (2025). Social meaning as Hearer's Meaning: Integrating social meaning into a general theory of meaning in communication. *Journal of Pragmatics*, 241, 81–91. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2024.07.005>
- Hart, H. L. A. (1994). *The concept of law* (2nd ed.). Oxford University Press.
- Irvine, J. T., & Gal, S. (2000). Language ideology and linguistic differentiation. In P. V. Kroskrity (Ed.), *Regimes of language: Ideologies, politics, and identities* (pp. 35–83). School of American Research Press.
- Kripke, S. A. (2010). *Vitgenshtein o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein on rules and private language] (V. A. Ladov & V. A. Surovtsev, Trans.). Kanon+ Reabilitatsiya.
- Molodychenko, E. N., & Chernyavskaya, V. E. (2022). Sotsial'naya reprezentatsiya cherez yazyk: teoriya i praktika sotsiolingvistiki i diskursivnogo analiza [Social representation through language: The theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19(1), 103–124.
- Naiman, E. A. (2021). Semioticheskie mekhanizmy formirovaniya sotsial'nogo znacheniya v yazyke [Semiotic mechanisms of the formation of social meaning in language]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 59, 87–100.

- Podesva, R. J. (2011). Salience and the social meaning of declarative contours: Three case studies of gay professionals. *Journal of English Linguistics*, 39(3), 233–264. <https://doi.org/10.1177/0075424211414806>
- Quine, W. V. O. (2000). *Slovo i ob'ekt* [Word and object] (A. Z. Chernyak & T. A. Dmitriev, Trans.). Kanon+. <https://gtmarket.ru/library/basis/4733>
- Surovtsev, V. A. (2020). Sledovanie pravilu i sotsial'naya teoriya [Rule-following and social theory]. *Epistemology and Philosophy of Science*, 57(3), 50–55. <https://doi.org/10.5840/eps202057334>
- Surovtsev, V. A. (2022). Real'nost' lingvisticheskogo znacheniya i yazykovye igry [The reality of linguistic meaning and language games]. *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 33(3), 135–144. <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2022-3-135-144>
- Surovtsev, V. A., & Ladov, V. A. (2008). *Vitgenshtein i Kripke: sledovanie pravilu, skepticheskij argument i točka zrenija soobščestva* [Wittgenstein and Kripke: Rule-following, the skeptical argument, and the community view]. Tomsk State University.
- Temmerman, R. (2000). *Towards new ways of terminology description: The sociocognitive approach*. John Benjamins Publishing.
- Temmerman, R., & Kerremans, K. (2003). *Termonotography: Ontology building and the sociocognitive approach to terminology description*. Proceedings of the 17th International Congress of Linguists, Prague, Czech Republic. https://www.academia.edu/851013/Termonotography_Ontology_building_and_the_sociocognitive_approach_to_terminology_description
- Wittgenstein, L. (2019). *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical investigations]. AST.
- Wüster, E. (1979). *Introduction to the general theory of terminology and terminological lexicography*. Springer-Verlag.
- Zhang, Q. (2021). Emergence of social meaning in sociolinguistic change. In L. Hall-Lew, E. Moore, & R. Podesva (Eds.), *Social Meaning and Linguistic Variation: Theorizing the Third Wave* (pp. 267–291). Cambridge University Press.

Материал поступил в редакцию 20.09.2025